ИЗВЕСТИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА / BULLETIN OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: STUDIES IN LITERATURE AND LANGUAGE. 2026. Т. 85. № 3. С. 41–48

**DOI**: 10.7868/S2413771526030048 Оригинальная статья

# К истории несостоявшейся дуэли между Тургеневым и Толстым

**С.А. Кибальник**

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация*
*E-mail: kibalnik007@mail.ru*

*Аннотация*. История ссоры между двумя классиками русской литературы второй половины XIX века в мае 1861 г. рассматривается в статье в контексте их многолетних отношений. При этом детально анализируются некоторые хорошо известные причины этой ссоры — например, отношения Тургенева с сестрой Толстого Марией Николаевной, — в которых выделены некоторые новые оттенки. Идет речь и о ряде других, подспудных причин конфликта, которые прошли мимо внимания исследователей, — в частности, например, о том, что у самого Толстого незадолго до этого родился внебрачный ребенок. В статье развивается ранее уже высказывавшаяся в исследовательской литературе мысль о том, что в изображении разногласий Павла Кирсанова с Евгением Базаровым и дуэли между ними во второй половине «Отцов и детей» преломились некоторые моменты ссоры Тургенева с Толстым, которая также едва не увенчалась дуэлью.

*Ключевые слова*: Тургенев, Толстой, дуэль, ссора, Фет, Степановка, роман, «Отцы и дети», прототип

*Финансирование*. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00762, https://rscf.ru/project/24-18-00762/, ИРЛИ РАН.

*Конфликт интересов*. Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией данной статьи.

*Вклад авторов в публикацию*. Все этапы работы выполнены автором.

*Ссылка для цитирования*: Кибальник С.А. К истории несостоявшейся дуэли между Тургеневым и Толстым. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка / Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2026. Т. 85. № 3. С. 41–48.
https://doi.org/10.7868/S2413771526030048

© Кибальник С.А., 2026
© Kibalnik S.A., 2026

IZVESTIÂ ROSSIJSKOJ AKADEMII NAUK. SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA / BULLETIN OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: STUDIES IN LITERATURE AND LANGUAGE, 2026, vol. 85, no. 3, pp. 41–48

**DOI**: 10.7868/S2413771526030048 Original Article

# On the History of the Unfulfilled Duel between Turgenev and Tolstoy

**S.A. Kibalnik**

*Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation*
*E-mail: kibalnik007@mail.ru*

*Abstract*. The article reconsiders the quarrel between Ivan Turgenev and Leo Tolstoy in May 1861 within the broader context of their long-standing personal and literary relationship. Particular attention is paid to several well-known causes of the conflict, including Turgenev's relationship with Tolstoy's sister, Maria Nikolaevna, whose role in the dispute is examined in light of newly emphasized nuances. The study also addresses a number of more latent factors that have received little attention in previous scholarship—among them the fact that Tolstoy had fathered an illegitimate child shortly before the quarrel.The article further develops an idea previously advanced in literary criticism: that certain aspects of the disagreement between Pavel Kirsanov and Yevgeny Bazarov, as well as their duel in the second half of Fathers and Sons, reflect elements of Turgenev's own conflict with Tolstoy, which likewise nearly culminated in a duel.

*Keywords*: Turgenev, Tolstoy, duel, literary conflict, Afanasy Fet, Stepanovka, Fathers and Sons, prototype

*Funding*. This research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00762 (https://rscf.ru/project/24-18-00762/), Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences.

*Conflict of interests*. The author declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

*Authors contribution*. All stages of the work were completed by the author.

*For Citation*: Kibalnik S.A. On the history of the unfulfilled duel between Turgenev and Tolstoy. *Seriâ literatury i âzyka / Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2026; 85(3):41–48. (In Russ.) https://doi.org/10.7868/S2413771526030048

В настоящей статье будут рассмотрены основные вопросы, которые возникают при анализе истории ссоры И.С. Тургенева с Л.Н. Толстым. Как известно, ссора эта едва не привела к дуэли и предопределила разрыв всяких отношений между ними, продолжавшийся более полутора десятка лет.

Это прежде всего вопросы о том, как и по какой причине произошла ссора, почему дело дошло до вызова на дуэль. Наконец, главное: обогатила ли эта ссора — и если да, то как — российскую словесность?

Разумеется, фактическая сторона всех этих вопросов довольно хорошо изучена, к решению их исследователи уже не раз обращались, и общая картина произошедшего уже составлена. Тем не менее есть обстоятельства, на которые до сих пор не было обращено должного внимания. Между тем они позволяют существенно скорректировать наши современные научные представления о ней.

### *Причины ссоры*

Дата ссоры — 27 мая (по старому стилю) 1861 года. Произошла она в усадьбе поэта Афанасия Фета Степановке, которая располагалась в Мценском уезде Орловской губернии, сравнительно неподалеку как от тургеневского Спасского, так и от имения Льва Толстого Никольское-Вяземское.

25 мая Толстой по приглашению Тургенева приехал оттуда к нему в Спасское, чтобы дальше вместе проследовать в Степановку, которую Фет недавно приобрел. «Пока еще поют соловьи и весна улыбается...» [11, т. 4, с. 326], — так объяснял Тургенев Фету выбор времени этой поездки. Писатели намеревались отметить в Степановке новоселье поэта. Поначалу все шло как нельзя лучше. В коляске Тургенева они приехали из Спасского в Степановку 26 мая, мирно гуляли и беседовали с хозяином усадьбы. А на следующий день неожиданно грянул гром. Фет рассказывает в своих мемуарах:

> Утром в наше обыкновенное время, то есть в 8 часов гости вышли в столовую, в которой жена моя занимала верхний конец стола за самоваром, а я в ожидании кофея поместился на другом конце. Тургенев сел по правую руку хозяйки, а Толстой по левую. Зная важность, которую в это время Тургенев придавал воспитанию своей дочери, жена моя спросила его, доволен ли он своей английской гувернанткой. Тургенев стал изливаться в похвалах гувернантке и, между прочим, рассказал, что гувернантка с английской пунктуальностью просила Тургенева определить сумму, которою его дочь может располагать для благотворительных целей.

— Теперь, — сказал Тургенев, — англичанка требует, чтобы моя дочь забирала на руки худую одежду бедняков и, собственноручно вычинив оную, возвращала по принадлежности.

— И это вы считаете хорошим? — спросил Толстой.

— Конечно, это сближает благотворительницу с насущною нуждой.

— А я считаю, что разряженная девушка, держащая на коленях грязные и зловонные лохмотья, играет неискреннюю, театральную сцену.

— Я вас прошу этого не говорить! — воскликнул Тургенев с раздувающимися ноздрями.

— Отчего же мне не говорить того, в чем я убежден? — отвечал Толстой.

Не успел я крикнуть Тургеневу: «Перестаньте!» — как, бледный от злобы, он сказал: «Так я вас заставлю молчать оскорблением».

С этими словами он вскочил из-за стола и, схватившись руками за голову, взволнованно зашагал в другую комнату. Через секунду он вернулся к нам и сказал, обращаясь к жене моей: «Ради бога, извините мой безобразный поступок, в котором я глубоко раскаиваюсь». С этим вместе он снова ушел [12, с. 370–371].

Вскоре после этого оба писателя уехали из Степановки — на сей раз, разумеется, порознь. Излагая эту историю, Фет немного смягчил фразу Тургенева, оскорбившую Толстого. На самом деле тот сказал: «А если вы будете так говорить, я вам дам в рожу» [10, т. 60, с. 405] (ср.: [9, с. 509]). Как мы видим, утонченный Тургенев, когда бывал взбешен, мог выражаться по-простонародному. Вскоре в письме к Толстому он сам назовет эту свою фразу «действительно безумным словом», «далеким от привычек» всей его жизни [11, т. 4, с. 335].

Толстой, с его демократизмом, конечно, наверняка искренно нашел описанную Тургеневым помощь его незаконнорожденной дочери беднякам, да еще из-под палки, барским лицемерием. Однако, высказавшись подобным образом, граф явно не проявил осмотрительности в выборе выражений. Впрочем, как известно, он никогда ею не отличался, а в то время ему было чуть больше тридцати лет, и от юношеского максимализма он явно еще не освободился. Однако взбешенный Тургенев тут же перещеголял его в этом отношении...

Так все же почему произошла эта действительно ужасная сцена?..

### *Почему Иван Сергеевич поссорился со Львом Николаевичем?*

Если отвечать на этот вопрос в шутку, можно было бы сказать: потому что до этого он с ним сблизился. В самом деле ведь ссорятся между собой в основном друзья или хотя бы хорошие знакомые. Посторонним людям никакого дела друг до друга нет.

Как и ссоре Достоевского с Тургеневым — или гоголевских Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, — конфликту с ним Толстого предшествовала их — правда, недолгая и не слишком прочная — дружба. Тургенев одобрял и приветствовал первые произведения Толстого, которые тот присылал в некрасовский «Современник». А когда после окончания Крымской войны тот приехал в Петербург, ввел его в литературные круги. Толстой даже больше месяца жил в петербургской квартире Тургенева.

Правда, вскоре после того, как он в ней поселился, Тургенев писал в декабре 1855 г. сестре Толстого Марии Николаевне, с которой у него был роман: «Ну-с, доложу Вам — что у Вас за брат! Я его прозвал за буйность, дикое упорство и праздность — Троглодитом — что не мешает мне, однако, любить его от души и ворчать на него беспрестанно, как рассудительный дядя на взбалмошного племянника» [11, т. 3, с. 71]. Тем самым Тургенев как бы примерял на себя по отношению к Толстому роль, которую в его собственной жизни играл его дядя Николай Николаевич, управлявший имением Спасское. Тот и в самом деле нередко «воспитывал» Тургенева.

Толстой, конечно же, был кое-чем обязан Тургеневу. Но сделать из себя литературного «племянника», разумеется, никому бы не позволил. Так что уже в ноябре 1856 г. Тургенев признавался Толстому в том, что многое в нем его «коробит» и он находит теперь «удобнее держаться» от него «подальше» [11, т. 3, с. 148]. Сестре Толстого Марии он тогда же писал, что им с ее братом «суждено любить друг друга издали, — а вблизи — чувствовать взаимное стеснение» [11, т. 3, с. 11].В свою очередь Толстой не раз писал в своем дневнике о том, что он испытывает сходные чувства к Тургеневу [10, т. 47, с. 115, 122].

Правда, уже в декабре 1857 г. Тургенев получил от Толстого письмо, от которого «веяло чем-то кротким и ясным, какой-то дружелюбной тишиной». И тут же протянул ему руку «через “овраг”», который, по его представлениям, «уже давно превратился в едва заметную щель...» [11, т. 3, с. 160]. В течение нескольких лет они довольно мирно переписывались, в то же время, по всей видимости, не торопясь вновь встретиться. Наконец в первой половине февраля 1861 г. они неоднократно виделись в Париже, и в письме к брату Сергею от 12 (24) марта Толстой отмечал: «С Тургеневым я, к удовольствию моему, кажется, сошелся, и эти мальчики в глазах перестали бегать» [10, т. 60, с. 372]. В свою очередь Тургенев, получив от Толстого очередное любезное письмо, подвел черту под былым охлаждением в отношениях: «...прошедшим недоразумениям конец. Я уверен, что мы встретимся в России хорошими приятелями и останемся таковыми, покуда бог продлит жизнь. Портить ее (жизнь, то есть) позволительно только мальчикам, а мы с Вами уже не молоденькие» [11, т. 3, с. 160].

Так что, в сущности, полным сюрпризом их майская ссора ни для кого не стала. Она лишь вновь — пусть и неожиданно для Тургенева — выявила давно уже наметившиеся и не раз до этого выходившие на поверхность личностные расхождения. Неслучайно в объяснение этой ссоры Фет приводил слова старшего брата Толстого, сказанные им задолго до нее: «Размышляя впоследствии о случившемся,

я поневоле вспоминал меткие слова покойного Ник. Ник. Толстого, который, будучи свидетелем раздражительных споров Тургенева со Львом Николаевичем, не раз со смехом говорил: “Тургенев никак не может помириться с мыслью, что девочка растет и уходит у него из-под опеки”» [12, с. 372].

В самом деле, 1850-е годы прошли под знаком царствования Тургенева на русском литературном Олимпе. Автор «Записок охотника» и «Дворянского гнезда» ожидал, что Толстой, который своих великих книг в то время еще не написал, будет все время относиться к нему как к мэтру. Тем более что он был почти десятью годами старше Толстого. Однако, как известно, не признавая никаких авторитетов, Толстой не видел их и в своих собеседниках. С большинством из них он смолоду вел себя несколько вызывающе, говорил безапелляционно. Тем более не был для него авторитетом Тургенев, которого он считал хотя и хорошим писателем, но запутавшимся в своей личной жизни человеком и «красноречивым фразером» [3, с. 82]. Что для Тургенева не было секретом: «...думает же Толстой, что я и чихаю, и пью, и сплю — ради фразы», — писал он И.А. Гончарову 7 (19) апреля 1859 года [11, т. 4, с. 36].

С годами это представление у Толстого только усилилось. Тем более что для него появились новые основания. Так что ссора двух классиков была более чем закономерной. Большинство из ее причин назывались и ранее. Но некоторые из них нуждаются в уточнении, а некоторые — в дополнительных акцентах. Список основных предпосылок и конкретных поводов к этой ссоре представляется таким.

## 1. РОМАН ТУРГЕНЕВА С МАРИЕЙ ТОЛСТОЙ

Когда сестра Толстого в июне 1857 г. разорвала отношения со своим мужем Валерианом, Тургенев как ни в чем не бывало продолжил переписку с ней, не делая решительного шага [4, с. 94–98]. Явно на что-то надеясь, Толстая ждала возвращения Тургенева из-за границы весной 1858 г., а тот все не приезжал. Более того, в письме к Толстому от 27 марта (8 апреля) 1858 г. он сам жаловался ему на судьбу и уговаривал не повторять его собственных ошибок:

> Эх, любезный Толстой, если бы Вы знали, как мне тяжело и грустно! Берите пример с меня: не дайте проскользнуть жизни между пальцами — и сохрани Вас бог испытать следующего рода ощущение: жизнь прошла — и в то же самое время Вы чувствуете, что она не начиналась, — и впереди у Вас неопределенность молодости со всей бесплодной суетой старости [11, т. 3, с. 313–314] (ср.: [7, т. 2, с. 129]).

«Машиньку известие об отсутствии Тургенева ударило», — записал Толстой в дневнике в мае 1858 г. И затем, уже в сентябре того же года констатировал: «Тургенев скверно поступает с М[ашинькой]. Дрянь» [10, т. 48, с. 14, 15]. Наконец, повидавшись с Марией Толстой в Ясной Поляне, Тургенев в марте 1859 г. сообщал В.П. Боткину: «очень она переменилась на мои глаза — да сверх того — je n’ai rien à lui dire <мне нечего ей сказать — *С.К.*>» [11, т. 4, с. 30]. По всей видимости, именно с этим были связаны новые осложнения в отношениях с Толстым, о которых Тургенев писал тому же Боткину в апреле: «Я с Толстым покончил все свои счеты: как человек он для меня более не существует. Дай бог ему и его таланту всего хорошего — но мне, сказавши ему: здравствуйте — неотразимо хочется сказать: прощайте и без свиданья. Мы созданы противуположными полюсами» [11, т. 4, с. 38].

## 2. ТОЛСТОГО РАЗДРАЖАЛ ОТКРОВЕННЫЙ АВТОБИОГРАФИЗМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТУРГЕНЕВА

Незаконнорожденная дочь Тургенева Полина, которая вначале воспитывалась в семействе Виардо, была не самой удачной темой для общего разговора. Толстой критически относился к личной жизни Тургенева и еще более к тому, что многие ее страницы попадали в его художественные произведения. Так, роман Тургенева с сестрой Толстого Марией Николаевной довольно явственно отразился в его повести «Фауст» (1856), а, быть может, и не только в ней (см.: [11, т. 5, с. 415–416]; [4, с. 73–90]). А дочь Тургенева Полина достаточно откровенно изображена в главной героине его повести «Ася» (1857). Толстому повесть эта не нравилась, и скорее всего не в последнюю очередь из-за ее слишком явного автобиографического подтекста. Во всяком случае он расценил эту повесть как самую «слабую» из всех произведений Тургенева [10, с. 252].

## 3. У САМОГО ТОЛСТОГО НЕ ТАК ДАВНО ТАКЖЕ РОДИЛСЯ ВНЕБРАЧНЫЙ РЕБЕНОК

Для самого Толстого это была больная тема: в 1860 г. замужняя крестьянка Аксинья Базыкина родила от него мальчика (см.: [10, с. 27, 727]; [8, с. 200]). И, конечно же, Толстой не мог даже и думать о том, чтобы дать ему дворянское воспитание: ведь его ребенок родился в чужой семье.

## 4. ТОЛСТОЙ В СПАССКОМ ЗАСНУЛ ЗА ЧТЕНИЕМ «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ»

Во время встречи Тургенева с Толстым в Спасском все не задалось с самого начала. В Париже Толстой читал Тургеневу отрывки из своих новых сочинений. Теперь он пожелал ознакомиться с новым романом Тургенева «Отцы и дети». У того была еще написана, да и то вчерне, только его половина. Но показать Толстому новую вещь, которая пока еще не очень вытанцовывалась, Тургеневу хотелось.

Толстой предпочел не слушать ее в чтении Тургенева, а прочитать самому. Стал читать лежа и, на беду, заснул. Автор популярных биографических книг о Толстом Павел Басинский пишет, что Толстой заснул «демонстративно» [2, с. 81]. Не знаю, откуда

это ему известно. По-моему, в теплый майский день, да еще с дороги и скорее всего после обеда можно заснуть, если взяться читать лежа хотя бы и самую интересную книгу. Но если такое пришло в голову Басинскому, который должен бы, по всей вероятности, быть на стороне Толстого, то представьте себе, что мог подумать Тургенев! Так что фундамент для ссоры в Степановке был заложен еще в Спасском.

## 5. УЖАСНОЕ МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ СТЕПАНОВКИ

Вдобавок имение Фета было довольно плохо приспособлено для загородных прогулок. Вот как сам Тургенев описывал Степановку в июле 1861 г. в письме к Я.П. Полонскому от 14 (26) июля 1861 г.: «Теперь он возвратился восвояси, в тот маленький клочок земли, которую он купил посреди *голой* степи, где вместо природы существует пространство...» [11, т. 3, с. 352]. А вот что он сказал Фету сразу после того, как впервые оказался в его имении: «Мы все смотрим, где же это Степановка, и оказывается, что есть только жирный блин и на нем шиш, и это и есть Степановка» [10, с. 369].

## 6. ТЕПЕРЬ ТУРГЕНЕВ И ТОЛСТОЙ БЫЛИ СОСЕДЯМИ ПО ИМЕНИЯМ

После смерти брата Толстого Николая Николаевича, с которым Тургенев был близок, хозяином Никольского-Вяземского стал Лев Николаевич. Стало быть, с Тургеневым они теперь были почти соседями: имения их разделяли какие-нибудь двадцать верст. Они, таким образом, были обречены на то, чтобы время от времени видеться. А как мы с вами хорошо знаем по истории гоголевских Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, никто так часто не ссорится между собой, как соседи.

*Как эта ссора обогатила российскую словесность?*

Как известно, в ссорах ничего хорошего нет. Правда, ссоры между писателями в этом отношении бывают немного плодотворнее ссор между обычными людьми. В преломленном виде они почти неизбежно отражаются в литературных произведениях. Не стала исключением в этом отношении и ссора между Тургеневым и Толстым.

Отчетливые следы всей этой истории преломились в самом известном романе Тургенева — «Отцы и дети», причем они давно отмечены одним из самых известных тургеневедов советского времени. Тем не менее почему-то о них до сих пор практически не заходит речь в современных исследованиях. Причина этого заключается, по всей видимости, в том, что со школьных времен мы усвоили: главный герой этого романа Тургенева Евгений Базаров принадлежит к типу «нигилиста», а «нигилисты» — это революционеры-демократы. Так что образ Базарова и его конфликт с Павлом Кирсановым воплощает отношение дворянина Тургенева к молодому поколению «социалистов».

Между тем Толстой тоже был «нигилистом», причем даже в более широком смысле, чем основной прототип Базарова, критик и публицист «Современника» Николай Добролюбов (см.: [11, т. 7, с. 436–439]). Толстой не признавал никаких авторитетов, с одинаковым пренебрежением относился как к либералам, так и к демократам, и еще в большей степени, чем Добролюбов, отрицал многие признанные авторитеты в литературе. Позднее, как известно, он придет к полному отрицанию искусства.

Тургенев сам однажды признался в том, что, «никогда так не пишется, как “в сердцах”, никогда так прилежно не работаешь, как озлобившись» [5, т. 2, с. 249]. Когда он писал первую половину «Отцов и детей», отношения Павла Петровича и Базарова и в самом деле, по-видимому, питались по преимуществу конфликтом Тургенева с Добролюбовым. Однако к весне 1861 г. работа над романом застопорилась — отчасти, возможно оттого, что озлобление Тургенева на Добролюбова прошло: у того был туберкулез, и еще с мая 1860 г. он лечился за границей. Обещая прочесть Толстому новый роман во время их будущей встречи в России, Тургенев в письме от 14/26 марта 1861 г. сам предупреждал его, что чтение совершится «едва ли скоро», так как «вся штука застряла на половине». И при этом возлагал надежды «на деревню, на деревенскую тишину» [11, т. 4, с. 307], то есть рассчитывал написать вторую половину романа в Спасском.

Надежды Тургенева сбылись сполна. К августу 1861 г. роман был уже закончен [11, т. 7, с. 418]. Причем работа Тургенева над «Отцами и детьми» пошла гораздо быстрее как раз после ссоры с Толстым. А лишь намеченный в их начале конфликт Базарова с Павлом Петровичем во второй половине романа обострился и привел к дуэли. Очевидно, именно ссора с Толстым стала, как отмечал А.И. Батюто, «конкретным поводом, который натолкнул Тургенева на мысль увенчать взаимоотношения Павла Петровича и Базарова таким несколько неожиданным и старомодным финалом» [3, с. 87].

В отличие от так и не состоявшейся дуэли Тургенева с Толстым, Павел Петрович и в самом деле стрелялся с Базаровым, и тот ранил его в ляжку. Выдумав эту сцену, Тургенев в изображении дуэли воспользовался рядом деталей из своей собственной ссоры с Толстым. Так, Николай Петрович, разговаривая с Базаровым после дуэли с его братом, говорит ему: «**Мой бедный брат, конечно, виноват**... Я верю, что вам нельзя было избегнуть этого поединка, который... который до некоторой степени объясняется одним лишь **постоянным антагонизмом ваших взаимных воззрений**...» [11, т. 4, с. 149]. При этом он почти повторяет собственные слова Тургенева о его отношениях с Толстым. Ведь в письме к самому Толстому Тургенев объяснял свою вспышку «раздражением, вызванным крайним и **постоянным антагонизмом**

**наших воззрений**». И подчеркивал: «...В этом деле правы были вы, а **виноват я**» [11, т. 4, с. 335] (отмечено: [3, с. 92–93]).

Еще Фет заметил, что в «Отцах и детях» оказался «воспроизведен» постоялый двор «вольного ямщика Федота», на который он «обещал доставить» Толстого после его ссоры с Тургеневым [12, с. 371]. И этот постоялый двор в самом деле упоминается в тургеневском романе — причем трижды [3, с. 94]. А в изображении усадьбы Кирсановых Марьина, как показал А.И. Батюто, заметны черты Степановки, которую Тургенев еще до приезда в нее представлял по ее описаниям в письмах Фета [3, с. 85–87]. Впрочем, в «Отцах и детях» есть и другие следы недавней ссоры их автора с Толстым.

Так, перед началом дуэли Павел Петрович дважды повторяет, что «намерен **драться серьезно**» [11, т. 7, с. 143, 144]. По-видимому, Тургенев вложил ему в уста собственные слова Толстого о том, что он «желает стреляться по-настоящему», сказанные в письме к нему[1]. Правда, черта Толстого парадоксальным образом оказалась передана здесь Тургеневым не Базарову, а Павлу Петровичу. Что ж, реальные лица нередко питают собой сразу два или даже несколько литературных образов одного произведения.

Таким образом, текст «Отцов и детей» еще раз убеждает нас в том, что Тургенев многое списывал с натуры. Причем во второй половине романа Базаров действительно становится больше похож уже не на Добролюбова, а на Толстого. Сама по себе противоречивость Базарова: яркая личность и в то же время резкий и неуживчивый человек — явно идет не столько от Добролюбова, сколько от Толстого. Ведь по части самоуверенности и безапелляционности суждений Толстой мог дать Добролюбову сто очков вперед.

Тургенева привлекали в Толстом самобытность и независимость в суждениях. Но с ними неотъемлемо были связаны его самоуверенность и безапелляционность. Именно эту диалектику Тургенев в конечном счете и воплотил в образе Базарова. Острота противоречий между ним и Павлом Кирсановым, в результате которых они скоро переходят на личности, вполне соответствует чувствам Тургенева по отношению к Толстому, которые он не раз выражал еще до ссоры с ним. Между тем даже многолетний друг Тургенева П.В. Анненков признает за ним самим «старую привычку, некстати возобновившуюся тогда» «отвечать ядовитым замечанием на всякую речь, которая ему не нравилась, а таких речей было не мало у гр. Л.Н. Толстого в последних его отношениях с Тургеневым» [1, с. 456]. Судя по всему, эту свою особенность Тургенев и передал его как бы alter ego в романе — Павлу Кирсанову. В обращении же с ним Базарова в свою очередь все время чувствуется «вызывающий тон и холодное презрение», которое, как отмечал тот же Анненков, Толстой «выказывал перед Тургеневым» [1, с. 391].

Почему же в таком случае оба писателя вовремя не сделали выводы и не прекратили или хотя бы не ограничили свое общение? Как мы видели выше, на какое-то время они это делали. Однако Тургенев и Толстой слишком живо интересовали друг друга. И как бы каждый из них временами не раздражался, все же из первых рук слышать новые произведения, отзывы друг друга о текущих литературных новостях для них обоих было важнее.

*Помирились ли два классика русской литературы?*

Вот почему не так уж трудно догадаться, помирились ли в конце концов два будущих классика русской и мировой литературы. Конечно же, помирились. Толстой уже через месяц после своей ссоры с Тургеневым записал в дневнике: «Замечательная ссора с Тургеневым; **окончательная** — он *подлец* совершенный, но я думаю, что со временем не выдержу и прощу его» [10, т. 48, с. 37].

Так и вышло. Толстой сам первый пошел навстречу и написал Тургеневу примирительное письмо. Но полное примирение и в самом деле произошло только «со временем». Ведь после первоначального отказа от дуэли Тургеневу в какой-то момент показалось, что он в этой истории был слишком уступчив. И в сентябре 1861 г., уже из Парижа, он написал Толстому, что весной, по возвращении в Россию, сам намерен «потребовать» от Толстого «удовлетворения» [11, т. 4, с. 369] (см.: [6, с. 514]).

Так что в итоге после инцидента в Степановке Толстой с Тургеневым прервали личные отношения на целых семнадцать лет. Время от времени и тот, и другой, конечно же, сожалели о размолвке, но шагов к примирению не предпринимали. Только 6 апреля 1878 г. Лев Николаевич — по всей видимости, под влиянием духовного переворота, который он к тому времени пережил, — написал Ивану Сергеевичу: «В последнее время, вспоминая о моих с вами отношениях, я, к удивлению своему и радости, почувствовал, что я к вам никакой вражды не имею. Дай бог, чтобы в вас было то же самое. По правде сказать, зная, как вы добры, я почти уверен, что ваше враждебное чувство ко мне прошло еще прежде моего... <...> Искренно, если вы можете простить меня, предлагаю вам всю ту дружбу, на которую я способен» [10, т. 62, с. 406].

Тургенев тут же ответил: «С величайшей охотой готов возобновить нашу прежнюю дружбу и крепко жму протянутую мне Вами руку. Вы совершенно правы, не предполагая во мне враждебных чувств к Вам; если они и были, то давным-давно исчезли, и осталось одно

[1] Письмо Толстого с вызовом Тургеневу до нас не дошло, но со слов Толстого С.А. Толстая излагала его содержание так: «В письме этом он писал Тургеневу, что не желает стреляться пошлым образом, т.е. чтобы два литератора приехали с третьим литератором, и дуэль бы кончилась шампанским, а желает **стреляться по-настоящему** и просит приехать в Богослов к опушке леса с ружьями» [9, с. 509–510].

воспоминание о Вас, как о человеке, к которому я был искренне привязан...» [11, т. 16, кн. 1, с. 112].

В том же году Тургенев дважды побывал в Ясной Поляне, и всякие недоразумения между ними, кажется, прекратились. Узнав через некоторое время о тяжелой болезни Тургенева, Толстой написал ему: «Я почувствовал, что, если Вы умрете прежде меня, мне будет очень больно» [10, т. 63, с. 95].

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ


1. Анненков П.В. *Литературные воспоминания*. М.: Худож. лит., 1983. 694 с.
2. Басинский П. *Лев Толстой: свободный человек*. М.: Молодая гвардия, 2017. 300 с.
3. Батюто А.И. *К вопросу о замысле «Отцов и детей»*. В сб.: И.С. Тургенев (1818–1883–1958). Орел: Орловское книжное изд-во, 1960. С. 71–95.
4. Еремеева Д. *Сестра гения. Путь жизни Марии Толстой*. М.: Инфинитив — Лингвистика — Бослен, 2022. 350 с.
5. *И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т.* М.: Худож. лит., 1969.
6. *Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1859–1862)*. Авторы-составители Н.П. Генералова, С.А. Ипатова, В.А. Лукина. СПб.: Росток, 2018. 678 с.
7. *Переписка И.С. Тургенева: В 2 т.* М.: Худож. лит., 1986.
8. Сухотин М.С. Из записей в дневнике. *Литературное наследство.* Т. 69. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 148–224.
9. Толстая С.А. *Дневники: В 2 т.* М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. 606 с.
10. Толстой Л.Н. *Полн. собр. сочинений: В 90 т.* М.: ГИХЛ, 1928–1958.
11. Тургенев И.С. *Полн. собр. сочинений и писем в 30 т.* 2-е изд. Л.: Наука, 1978–2018.
12. Фет А.А. *Мои воспоминания. 1848–1889.* Ч. 1. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко., 1890. 452 с.


## REFERENCES


1. Annenkov P.A. *Literaturnuje vospominanija* [The Literary Memoirs]. Moscow, Khudožestvennaja literatura Publ.,1983. 694 p. (In Russ.)
2. Basinskiy P. *Lev Tolstoy: svobodnyj čelovek* [Leo Tolstoy a Free Man]. Moscow: Molodaja gvardija Publ., 2017. 300 p. (In Russ.)
3. Batiuto A.I. *K voprosu o zamysle "Ocov i detej"* [On the Issue of the Idea of "Fathers and Sons"]. In: *I.S. Turgenev (1818–1883–1958)*. Oryol, 1960, pp. 71–95. (In Russ.)
4. Eremeeva, D. *Sestra genija. Put' žizni Marii Tolstoy* [The Sister of a Genius. The Life Path of Maria Tolstoy]. Moscow: Infinitiv — Linguistika — Boslen Publ., 2022. 350 p. (In Russ.)
5. *I.S. Turgenev v vospominanijakh sovremennikov v 2 t.* [Ivan Turgenev in the Memoirs of his Contemporaries in 2 Vols.]. Moscow: Khudožestvennaja literatura Publ.,1969. (In Russ.)
6. *Letopis' žizni i tvorčestva I.S. Turgeneva (1859–1862)* [Chronicle of the Life and Work of I.S. Turgenev]. St.-Petersburg: Rostok Publ., 2018. 678 p. (In Russ.)
7. *Perepiska I.S. Turgeneva v 2 t.* [Ivan Turgenev's Correspondence in 2 Vols.]. Moscow: Khudožestvennaja literatura Publ., 1986. (In Russ.)
8. Sukhotin M.S. *Iz zapisej v dnevnike* [From Diary Entries]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Legacy]. Vol. 69, Book 2. Moscow: AN SSSR Publ., 1961, pp. 148–224. (In Russ.)
9. Tolstaya S.A. *Dnevniki* [Diaries]. Vol. 1. Moscow: Khudožestvennaja literatura Publ., 1978. 606 p. (In Russ.)
10. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sočinenij v 90 t.* [Complete Works in 90 Vols.]. Moscow, 1928–1958. (In Russ.)
11. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sočinenij v 30 t.* [Complete Works in 90 Vols.]. St.-Petersburg: Nauka Publ., 1978–2018. (In Russ.)
12. Fet A.A. *Moi vospominanija* [My Memoirs. 1848–1889]. Part 1. Moscow, 1890. 452 p. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кибальник Сергей Акимович — д-р филол. наук, вед. науч. сотр., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: kibalnik007@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-5937-5339

ABOUT THE AUTHOR

Kibalnik, Serguey A. — Ph.D. (Philology), Head Scientist Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation
E-mail: kibalnik007@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-5937-5339

Поступила в редакцию 23.05.2025
После доработки 04.07.2025
Принята к публикации 05.02.2026

Received May 23, 2025
Revised July 04, 2025
Accepted February 05, 2026